

Нечистый виноват

Праздник в доме Миши Болотова был в самом разгаре. Подвыпившие мужики - бывшие фронтовики, наперебой рассказывали о небывалых, мистических случаях, происходивших с ними на войне, на каких фронтах воевали, как проходили победителями страны Европы, где почти каждый из них, конечно, спас ребенка или обреченную на гибель молодую девушку и непременно, о своих встречах с прославленными маршалами, которые по странной случайности происходили во время войны с ними чуть ли не регулярно. Мужчины, которым не довелось участвовать в войне, слушали захватывающие истории, но не все. Кто-то пытался выразительно, но невразумительно запеть, кто-то, обняв приятеля, задавал классическую фразу: «Ты меня уважаешь?», кто-то дремал в углу, прислонившись к крепкой стене деревянного дома.

Бабы, задорно плясали под звуки гармони в центре просторной избы, пели частушки и переживали, чтобы гармонист не выпил тот последний стакан крепкого деревенского пива, после которого уже не сможет играть. А какая пляска без гармошки?

После войны прошло чуть более десяти лет, самые трудные времена остались позади, и в деревнях пиво варили часто, обычно зимой, когда меньше работы, для угощения гостей и даже без особого повода, иногда лишь для того, чтобы «отгоститься». Это когда хозяева, побывав в гостях у своих родственников и знакомых, решали устроить свой праздник.

Но в этот раз повод был самый настоящий. К Михаилу и его жене Сане приехал её брат - Александр, который жил на Севере и редко приезжал на побывку в родную деревню. В детстве Александра звали Шуркой, а его сестру Александру – Санькой, а когда они выросли, Шурка стал Александром, а Саня так и осталась Саней.

На вечеринке в его честь Александр пил мало, старался быть со всеми культурным, обходительным и большую часть вечера провёл в разговорах со

своим другом Николаем из соседней деревни. Того на гулянку пригласили по настоянию своего одноклассника Александра. Жена Николая Таня, сославшись на домашние хлопоты и что не с кем оставить детей, с мужем не пошла и осталась дома.

Таня была молодая женщина с кудрявыми темными волосами и милой застенчивой улыбкой, которая враз обворожила Николая, когда он вернулся с войны и увидел повзрослевшую Таню, которую знал еще ребенком. Николай посватался к Тане, когда ей было всего 17 лет. Родители Тани настояли, чтобы она вышла замуж за фронтовика, который был старше ее на десять лет: - «Твои ровесники все скоро в армию уйдут на три года, а если на флот, то и на все пять, а из тех, кто постарше, скольких убило? Многие калеками пришли. Николай мужик видный, работающий, из хорошей семьи, ну постарше тебя, так ведь не моложе. Может и к лучшему это...».

Так Николай и Таня стали мужем и женой, а потом и дети пошли.

Николай пошел «к пиву» с затаенной радостью, купив в сельмаге в качестве гостинца «маленькую». Маленькой бутылочку водки называли потому, что она в отличие от обычной бутылки была по объему ровно в два раза меньше и, кстати, пользовалась признанной популярностью.

Радость Николая была не только в том, что он увидится с закадычным дружкой, с которым не только вместе ходили в школу, но и шалили. Например, в рождественские вечера, их еще называли «страшными», роняли поленицы дров возле домов знакомых девушек. Он надеялся, что на вечере будет и красавица-учительница Наталья Сергеевна, которая разрешила Николаю называть себя просто Наташей. Наташа приехала работать в школу и остановилась в доме у старушки Офросиньи, которой власти даже платили за проживание учительницы в её доме.

Николай чувствовал, что тоже приглянулся приезжей городской девушке. Но деревенские нравы того времени были суровы: мужчине даже зайти в гости на чай к одинокой женщине, если он не был ее родственником было недопустимо.

Весь вечер, разговаривая с Александром, Николай время от времени, как бы незаметно, посматривал в сторону оживленной раскрасневшейся Наташи. Она не участвовала в деревенских плясках, но охотно поддерживала женские разговоры, была веселой и беззаботной. Когда по установившейся с незапамятных времен традиции гостеприимная хозяйка дома стала подавать гостям пиво одной большой чашей, ее называли белужкой, и очередь дошла до Наташи, все смолкли: сможет ли городская девушка выпить до дна, ведь белужку полагалось вернуть хозяйке пустой. И хотя Саня немного схитрила и не стала наливать Наташе пиво до самых краев, но все равно непривычному человеку трудно выпить за раз столько крепкого хмельного напитка.

Наташа взяла белужку обеими руками, сначала пригубила, потом стала пить, но было видно, что всё выпить она не сможет. Все ждали, что же будет. Наташа остановилась. Гости подумали: дух перевести, но та неожиданно сказала: - «Коля, помоги» - и протянула чашу Николаю, сидевшему за соседним столом. Она сказала это так легко и непринужденно, так запросто и искренне, что несмотря на то, что это было совсем «не по правилам», никто из присутствующих не возмутился. Николай встал, подошел, взял из рук Наташи разрисованную в стиле русских народных сказок чашу с пивом и не торопясь, степенно опорожнил и с поклоном передал пустую белужку чуть растерянной, но улыбающейся Сане. Все наперебой стали хвалить Наталью Сергеевну за находчивость, Николай же почти ничего не слышал. В его груди нахлынула такая нежность и страсть, что он был готов сейчас же при всех обнять такую загадочную, желанную Наташу и целовать, целовать...

Примерно час спустя Николай и Александр курили на улице. Было холодно, и они вышли одетыми, в полушубках и шапках. Вдруг из дома вышла женщина в белой шубке. Это Наташа собралась идти домой.

- Наташа, ты что уходишь? – спросил Александр.

- Да, мне пора.

- Николай, проводи даму, темно уже. Я не могу, меня гости осудят. Ради моего приезда собрались как никак.

- Найду я дорогу, не заблужусь, наверное, – отвечала Наташа, но по всему было видно, она не возражает, чтобы Николай проводил её. Тот выбросил окурок, проговорил другу: - «Увидимся еще», и они с Наташей пошли по зимней, деревенской улице.

Пройдя несколько метров, Наташа как бы споткнувшись, решительно взяла Николая под руку: «Можно? Так мне спокойнее. Ты такой надежный». Николаю было так приятно, что рядом с ним, немного прижавшись, идет такая красивая, интеллигентная барышня, и он не сразу нашелся, о чем с ней разговаривать, а когда разговор налачился они, оказалось, уже пришли. У крыльца дома, где жила Наташа, парочка остановилась. Николай надеялся, что хотя бы поцелует девушку в этот удобный момент, но та неожиданно предложила: «Пойдем, заходи в дом, согреешься...»

Для Николая это была чудесная ночь, которую он провел в ласкающих объятиях необыкновенной женщины. Его жена Таня не была холодна и нельзя сказать, что ограничивала его в постельных утехах. Ведь он был ее первым и единственным мужчиной, и сам всему научил ее. Но тот восторг, что Николай познал с Наташей, в эту темную ночь на деревянной расписной кровати, скрип которой не утихал до самого утра, не давая покоя старенькой Офросинье, которая за деревянной перегородкой даже пошевелиться боялась, не мог сравниться ни с какими ощущениями, которые когда либо Николай испытывал с другими женщинами. От охватившего блаженства он совсем не думал о времени. Когда рассвело, Наташа прошептала: «Коля, иди. Не хорошо будет, если с утра кто-нибудь зайдет. Да и бабушке Фросе надо к скотине идти».

Николай оделся и вышел на улицу. Дышалось легко и свободно. Морозный свежий воздух, казалось, опьянил Николая. Он шел быстро и скоро был за околицей. Благо в деревне никто не встретился и он широким, уверенным шагом направился к родному дому, до которого было километра

три. Он, вполне зрелый мужчина, все еще не мог поверить, что может одновременно испытывать такой глубокий душевный покой и вздымающее волнение.

Вдруг он остановился как вкопанный среди заснеженного поля: «Таня!» Что он ей объяснит? Где он провел ночь?

Сказать, что ночевал у Михаила, мол, Александр уговорил не ходить ночью, нельзя. Все видели, что он ушел раньше других гостей. Напился до беспамятства и ничего не помнит? Тоже не подходит. Во-первых, он не был заядлым выпивохой, во-вторых, хозяева и гости видели, что не был он пьяным. «Черт знает, что делать!» - воскликнул вслух расстроенный и моментально встревоженный Николай. Охваченный тревогой он уже не был объят манящими воспоминаниями. Мысли его стали прозаичны и практичны. Детям по их малолетству можно наплести что-нибудь, да и спят еще, поди. Но что он скажет Тане? Ведь он ей ни разу не изменял. Жили они хорошо, она с самого начала не перечила мужу, а у Николая и причин не было в чем-либо её укорять. И вот на тебе леший попутал! Леший? Мысли Николая бешено закрутились, дразня и просветляя его невероятной находкой родившейся в глубине воспаленного сознания. Он даже перекрестился. Конечно, он не был набожным, глубоко верующим человеком, хотя во время войны под бомбежками не раз бывало, крестился и читал про себя молитву. Вот и сейчас он вспомнил о Боге.

«Ладно, делать нечего. Господи! Прости меня. Другого выхода нет. Леший так леший». - прошептал Николай, сошел с дороги и упал в снег. Немного полежал на спине, повернулся на бок, потом – на другой, встал и, не отряхиваясь, пошел к своей деревне. У деревни он еще раз повалился в снегу - в таком неприглядном виде он решил предстать перед родной женой.

Войдя в избу, он снял шапку и молча сел на лавку. Дома было тепло, уютно, но Николай не стал раздеваться.

- Коля, что с тобой? Ты где был? Всю ночь не спала, - бросилась к мужу испуганная Таня. Радость, что муж пришёл целый и невредимый, уже светилась в её карих глазах.

- Ой, Таня, лучше не спрашивай. Боязно и рассказывать-то. Забыть это надо, от греха подальше.

- О чем забыть? Ты весь в снегу, замерз, наверное. Давай снимай полушубок. Вот теплые валенки и телогрейка, на печи была, надевай.

Жена стаскивала с него верхнюю одежду и говорила, как причитала:

- Что случилось? Ты что в сугробе лежал? – Таня была готова заплакать.

- Ой, Таня, думал всё, жизнь моя кончилась, тебя и детей больше не увижу. Да, видно есть еще Бог на свете.

Тут Таня наконец разрыдалась и обняла мужа:

- Да что ты такое говоришь? Кто тебя так напугал?

- Нечистый носил, водил меня по лесу до утра.

Таня подошла к иконам, стоявшим в углу, и стала креститься:

- Коля, ты в своем уме? Ладно ли всё с тобой? Может, маму твою позовем?

- Не надо маму. И рассказывать это тоже никому не надо. Иначе он может вернуться. В церковь лучше как-нибудь сходим, свечки поставим.

- Да говори ты толком, рассказывай уже, что теперь.

- Вчера вечером, когда вышел из гостей, и уже миновал деревню, направляясь домой, вдруг как заметет, ничего не видно. Думал даже вернуться обратно - но не тут то было. Он тут как тут. Нечистый значит. Леший. И повел меня в лес. Поначалу иду и думаю: запомню, куда он меня ведет, места ведь все знакомые, с детства исхоженные. Но он завел далеко, в самую чащу, остановился, поохотал – страшно так - и оставил меня там. Всю ночь я пытался выйти из леса, но куда ни иду, места всё кажутся чужими, неузнаваемыми, незнакомыми. Обессилил я совсем, и надо же - на поляну вышел, сел на пенек. Глянь - а полянка-то вся земляничкой покрыта. Вокруг снег, зима, а на поляне – земляника красная, с зелеными листочками.

Бери - не хочу сладкую ягоду. Посидел я, отдохнул, полюбовался на явленную мне красоту, а потом встал, прочитал молитву и пошел себе потихонечку. Так в летовище и оказался, а там уж и деревня наша рядом. Чудом уберегся.

Таня сидела, закрыв лицо руками, и не могла промолвить ни слова. Наконец тихо сказала:

- Слава тебе господи!

- Только ты, Таня, не рассказывай об этом никому. Примета есть: если нечистого вспомнить и по имени назвать, вернуться он может, и тогда уж не отпустит.

- Ладно, не до разговоров мне теперь будет. И за что такие напасти? Иди, ложись на печь, отогрейся, а я во хлев пойду. Печь затопила, но корову еще не доила и поросенка не кормила. Бригадир скоро придет - наряд давать, и дети вот-вот проснуться. Я ведь тоже всю ночь не спала, молитвы читала, Хоть мало их знаю, но все повторяла и повторяла. Вот и помогла, наверное, мать – богородица. Слава Богу!

Анатолий Подольский
Йошкар-Ола
30.03.2016 г.